

УДК 94 (571.56) (=512.212)

DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ О СВЯЗЯХ ТУНГУСОВ С ИСТОРИЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© В.В. Ушницкий

В статье рассматривается связь этногенеза тунгусов с упоминаемыми в китайских источниках древними племенами, обитавшими на территории Маньчжурии и Приамурья. Изучается историография этногенеза эвенков, приводятся версии зарубежных и отечественных востоковедов и этнографов. Разбираются эвенкийские этнонимы, пограничные контакты с тюрко-монгольскими этносами.

Ключевые слова: этнография, тунгусоведение, эвенки, тунгусо-маньчжуры, китайские источники, историография, зарубежное востоковедение, этнонимы.

Формат цитирования: Ушницкий В.В. Анализ историографических версий о связях тунгусов с историей Центральной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3. С. 36–44. DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

ANALYSIS OF THE HISTORIOGRAPHIC VERSIONS OF THE CONNECTIONS OF TUNGUSES WITH THE HISTORY OF CENTRAL ASIA

© V.V. Ushnitskij

The article considers how the Tungus ethno-genesis is connected with the ancient tribes who are mentioned in the Chinese sources and who inhabited in the territory of Manchuria and Priamurie. The article studies the historiography of studying an ethno-genesis of the Evenki, provides the versions of the foreign and home orientalists and ethnographers. The article investigates the Evenki ethnonyms, the boundary contacts with the Turkic-Mongolian ethnoses.

Keywords: ethnography, Tungus studies, the Evenki, the Tungus-Manchurians, Chinese sources, historiography, foreign oriental studies, ethnonyms

Citation format: Ushnitskij V.V. Analysis of the Historiographic Versions of the Connections of Tunguses with the History of Central Asia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2016. No. 3. Pp. 36–44. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2016-3-36-44

Этногенез тунгусов выступает в качестве ключевой проблемы при изучении этнокультурных процессов на территории Сибири и Дальнего Востока, а также этнической принадлежности археологических культур различных эпох, начиная с неолита. Между тем исследователи древних и средневековых культур этой территории, уделяя большое внимание народам палеоазиатских, тюрко-монгольских и маньчжурских языков, проходят мимо тунгусской проблемы. При этом появляются версии о позднем приходе эвенков с юга или о незаметном их присутствии в горных и та-

ежных районах. Поскольку проблема представляется ключевой при решении многих проблем древней истории огромного региона, то в данной статье ограничимся только постановкой проблемы; ее объективное изучение – задача целых исследовательских коллективов. Огромная территория расселения тунгусов вынуждает в каждом регионе их обитания проводить собственные исследования по времени прихода и сложения тунгусских групп на основе археологических, фольклорно-лингвистических и этнографических материалов. Также имеются известные труды по антро-

пологическим, генетическим и фольклорным материалам, сведениям в китайских источниках. Кроме Средней Лены и Колымского края остальную часть Якутии в XVII в. занимали многочисленные тунгусские роды, поэтому проблема этногенеза эвенков (тунгусов) становится ключевой в изучении многих аспектов археологии северного края. Дискуссионным и до сих пор нерешенным является вопрос присутствия тунгусов в Центральной Азии.

Иностранные путешественники и исследователи XVII–XVIII вв., побывавшие или писавшие со слов русских информаторов, восхищаются тунгусами как воинственным и пассионарным этносом. Тунгусские роды обитали на огромном пространстве от Енисея до Охотского моря, от Анабара и Таймыра до Амура. В ходе завоевания были ассимилированы аборигенные племена и роды. Антропологическое и археологическое изучение этногенеза тунгусов свидетельствует о глубокой древности пратунгусской культуры. Поэтому исследователи сошлись на том, что носители тунгусских языков прибыли с юга небольшими группами. При этом надо учитывать, что тунгусский язык носит привнесенный характер, а антропологический тип и культура – глубокие местные корни (Левин, 1958).

Нерешенной проблемой является также время и основа разделения единого тунгусского этноса на западных обь-енисейских «лесных» тунгусов, наносивших татуировку на лице, и восточных оленеводческих групп, для которых были характерными соответственно катангский и байкальский антропологический тип. Разделение на эвенков и эвенов состоялось в 30-е гг. XX в., однако еще исследователи периода Императорской России отличали охотских тунгусов – ламутов от эвенков. В XVI–XVII вв. иностранные авторы в своих записках о Сибири упоминают шелагов (шелагиры), шаманов (шамагир), буляшей в качестве отдельных этносов наряду с тунгусами. Поэтому надо полагать, что формирование эвенков-тунгусов в единый этнос происходило на глазах вместе с передвижениями эвенков-тунгусов в результате бегства от объясачивания и исчезновением воинственных аборигенных групп. Также нере-

шенной проблемой является время и место разделения единой тунгусо-маньчжурской семьи. К тому же маньчжурские и тунгусские языки столь сильно различаются друг от друга, что следует говорить о существовании двух или трех отдельных языковых семей, добавляя к ним амурские группы языков.

Яркий приверженец миграционной теории С.М. Широкогоров прародиной эвенков (тунгусов) считал реку Хуанхэ, тем самым отождествляя тунгусов с древними дунху. Более того он утверждал, что якуты – саха узнали в тунгусах Севера своих старинных врагов – дунху и окрестили их тунгусами (Shirokogoroff, 1929). Автор XVIII в. И. Георги считал, что самоназванием эвенков является слово донки (Георги, 2005). Из этого следует, что слово тунгус скорее является переводом их самоназвания на другие языки и не воспродуцируется от татарского слова «донгуз» – свинья и якутского «тон уус» – мерзлые люди.

Точка зрения, отождествляющая тунгусов и дунху, оказалась довольно устойчивой в зарубежной историографии. Так, Генрих Шурц родственные корейцам племена дунху и ухуань считает тунгусскими племенами, они после поражения от хуннов Маодуня удалились в горную страну нынешней Маньчжурии. Часть другого тунгусского народа – сяньби – переселилась в Корею и Маньчжурию (Шурц, 2004).

В.А. Туголуков самоназвание эвенков связывал с названием племени увань в китайской хронике VII в. Более того, этот средневековый народ знал оленеводство: «Оленей кормили мхом и впрягали в телеги» (Василевич, 1946). Есть мнение, что этноним увань встречался в письменных источниках значительно ранее VII в. одновременно с именем сяньби. Данное утверждение связывает уваней с древними ухуанями – ветвью дунху, много веков воевавших с хуннами и китайцами. Так этноним ухуань в древнекитайском прочтении читался как «овен» или даже «эвен» (Шавкунов, 1968).

И. Бичурин считал, что увани произошли от ухуаней: «На северо-восток от улоху (улохоу) в 200 с лишком ли, к северу от реки Нахэ, живут остатки древних ухуа-

ней, ныне также называют себя ухуань (И. Б.: Увань – другое чтение тех же иероглифов)» (Бичурин, 1953). По его информации, впоследствии восточные шивеи стали называться уванями: «На севере находятся восточные шивэи. Это остатки ухань (или увань), живших на юго-восточных окраинах» (Бичурин, 1953).

Эта старая гипотеза, отождествляющая предков тунгусов с племенами дунху, представляется еще не отжившей с научной точки зрения. Так Е.А. Хелимский язык племени аваров, обитавших на территории Венгрии в VI в., отнес к еще не разделенному пратунгусскому языку. Следовательно, предки аваров – жужани и другие племенные образования, которые китайская традиция относит к группе дунху, относились к тунгусо-маньчжурским народам (Хелимский, 2003).

Что интересно, аваров и раньше считали потомками ухуаней. Э. Паркер считал, что предками европейских аваров было племя Юэбань, которых Л.Н. Гумилев связывал с миграцией северных хуннов. Данный автор связывает с тунгусами известные племена дунху, тоба, сяньби и жужань. Реальное прочтение имени народа Юэбань, по его мнению, будет евань или евар (там же) (Паркер, 2003).

Европейских аваров и племя Юйвень в Средней Азии – потомков хуннов связывали с ухуанями. По утверждению немецкого тюрколога И. Маркварта, китайский слог *пень* (бань) является санскритским Вар. Китайский слог *юе* дает заглавную букву *Е*. Отсюда хуннское ханство Юебань в Средней Азии в китайской транскрипции восстанавливается как Евань или Евар. Предками тех же хи или кумохи, искомым урянха был род южного шаньюя хунну Юйвень, поселившийся среди дунху. Название этого племени тоже соотносили с названием Увань (Маркварт).

Таким образом, в зарубежной и российской историографии имеется устойчивая традиция, связывающая этногенез эвенков с группой племен дунху. Этнонимы эвен и эвенки возводятся к названию племени увань, которых китайская традиция считает потомками ухуаней.

Я.И. Линденау первым высказал версию о происхождении этнонима эвенки от эвенкийского слова эвенки «поперек», что, в общем-то, совпадает с семантикой этнонима «горные люди». Напомним, что название племени Ухуань по китайской хронике воспроизводится от названия одноименной горы, где нашли свое убежище разбитые Маодунем дунху. Следовательно, увани тоже характеризуются как горный этнос. Сравним и тот факт, что этноним уранкай тоже выводится от тунгусского слова урэнкэн «житель горной тайги» (Василевич, 1966).

На основе изучения памятников сяньбийского языка ориенталисты установили принадлежность языка группы племен дунху к монгольской группе и тем самым отвергли мнение о тунгусоязычности ухуаней и сяньби. Поэтому, не имея обширной доказательной базы, взгляды Е. Хелимского и других вышепричисленных авторов о принадлежности авар и ухуаней к тунгусам остаются пока на гипотетическом уровне.

В.А. Туголуков формирование тунгусов связал с народом Хи (кумохи), упоминаемом в китайских источниках, от которых отделились увани (Туголуков, 1980; 1985). Хисцы, согласно Н.В. Кюннеру, считаются носителями самоназвания уранкай, издревле обитавших в Северо-Западной Маньчжурии (Кюннер). По гипотезе В.А. Туголукова, этногенез тунгусов связан с миграцией хисцев или кумохи в XII в. из территории Аргуни и Верхнего Амура в сопредельные районы Амура, Байкала и Лены (Туголуков, 1980). Поскольку носителей названий хи (кумохи) и уранкай большинство исследователей относят к монголоязычным этносам, то, возможно, монголоязычные хисцы (уранкайцы) могли быть ассимилированы тунгусами – аборигенами глубинных районов Сибири.

Г.М. Василевич собрала материалы, свидетельствующие о том, что этнонимы «уранкай» и «эвенки-уранхай» были самоназваниями древних эвенков (Василевич, 1966). Весьма любопытно, что Г.М. Василевич на основе китайских источников сделала вывод о том, что еще в X в. одни уранкай были оленными охотниками, что, по ее словам, подтверждает ее гипотезу о том,

что уранкаи – это горно-таежные охотники – тунгусы. Другие уранкаи могли иметь скотоводческое хозяйство, это были те уранкаи, которые преподносили дань крытыми носилками (Василевич, 1966).

Г.В. Ксенофонтов выдвинул гипотезу об образовании имени «уранхай» от тунгусского слова «орон» – олень. По его утверждению, якутские уранкаи принадлежали к тунгусским племенам Маньчжурии, но уже в древности утратили свои этнические признаки и усвоили целиком турецкий язык и культуру (Ксенофонтов, 1993). Однако современные исследователи тунгусо-маньчжурских народов не связывают этнонимы «орончон» или «орочи» с уранкайцами. Семантика имени улухоу связывается с тунгусским этнонимом ороки, обозначением тунгусоязычного народа в Маньчжурии. Другими исследователями улухоу связываются с урянхайцами, издревле обитавшими по Восточному Хингану, где предок монголов Добун-Мерген встречает урянхайца, поделившегося с ним оленьей (Викторова).

Уранкайцы в летописях поздних китайских династий отдельно упоминаются под именами улянха, волянха. Например, в китайской летописи уранкаец (волянха) нарисован в короткой, распашной меховой одежде и в коротких штанах, к которым спереди прикреплен передник из листьев, ноги босые, а курыканы и туматы «подобно татарам» изображались в длинных халатах и сапогах (Василевич, 1966).

Мукринов – центральноазиатский этнос, тоже подозревали в связях с тунгусами, их еще отождествляли с меркитами и дальневосточными мохэ. Мукрины или мекри (бекри) обитали еще в территории Восточного Туркестана, куда они проникли в глубокой древности. После распада державы Таншихая возникла «Западная сяньбийская орда», состоявшая из дружин, оставшихся на завоёванной территории. Сяньбийцы включали всех покорённых в свои войска, поэтому западных и восточных «мохэ» следует считать народом одного происхождения (Гумилев, 1966).

Это племя можно найти в составе тюргешей в тесном сожительстве с родами согэ и алишэ. В исторической литературе по по-

воду «мукри» высказано два мнения. Маркварт отождествлял их с меркитами. Э. Шаванн полагает, что «мукри» – это приамурский народ тунгусского племени, впоследствии называемый китайцами «мохэ» (Гумилев, 1993).

В источнике XIII в., в Восточном Туркестане зафиксированы «мукри». Рашид ад-дин сообщает о них следующее: «Племя бекрин, их также называют мекрин. Жилище их находится в стране Уйгуристан, в крепких горах. Они не монголы и не уйгуры» (Рашид-ад-дин, 1952). Эти мекрины были хорошими ходоками по горам – скалолазами (киачи) (Рашид-ад-дин, 1952). Таким образом, исследователями для древних тунгусов характерным считается этнотип горного охотника. Только впоследствии с ними стали связывать образ оленеводов тундры и пеших таежных охотников.

Если следовать исторической логике трудов отечественных исследователей, то в эпоху становления Монгольской империи тунгусское население отсутствовало на территории Центральной Азии и Байкальского региона. Но в работах китайских и европейских путешественников в Монголию XIII в. упоминаются некие водяные (су) моголы или татары (Карпини, 1997). Эти водяные татары знали только рыболовство и охоту, скотоводством не занимались. Бурхотуйскую культуру Забайкалья, по материальной культуре составленную предками тунгусов, идентифицируют с дикими или водяными татарами.

Историк из Внутренней Монголии Сайшиял племя татар считает тунгусским по происхождению. Так называемые «татары девяти родов», кочевавшие по долинам рек Тола и Орхон, стали кереитским аймаком, «гажилские» татары стали онгутским аймаком, «татары гочинского рода», кочевавшие в районе озер Кулун и Буир, стали собственно татарским аймаком, главным племенем (Сайшиял, 2008).

М.П. Алексеев и Г. Юль тунгусов видят в мекритах. Надо напомнить, что по Марко Поло, мекриты занимались оленеводством и охотничьим промыслом. Более того, Юль в этом описании усматривает ясное указание на ландшафт между Якутском и Колымой, замечая при этом: «очевидно М. Поло

получил сведения от очевидцев» (Алексеев, 1941).

По утверждению В.А.Туголукова, следы вакараев – потомков меркитов – встречаются на весьма обширном пространстве Северной Сибири. Вакараев он считает пионерами проникновения тунгусов на Северо-Восток Сибири (Туголуков, 1980). Однако вакарай скорее связан с юкагирским *вагариль*, означающим «предок, родоначальник», *вагариил* «исконные, коренные» (название рода тундренных юкагиров).

Этноним мекри (бекри) связывается с мукринами – потомками древних мохэ (мукрин считается санскритской транскрипцией имени мохэ). В китайских названиях «уцзи» и «мохэ», корейском «мульгиль» и «мальгаль», тюркском «муглиг», санскритском «мукри» Э.В. Шавкунов видит различные варианты одного и того же имени, реконструированного как «монголи». Следовательно, через корейское мальгаль, которое представляется древним китайским прочтением этнонима мохэ, можно разгадать загадку этнонима монгол (Шавкунов, 1968). Еще Н.Я. Бичурин предполагал, что свое имя монголы могли позаимствовать от хэйшуй мохэ (Бичурин, 1952).

К тому же среди тунгусов Нижней Тунгуски были рода под именем монгали. Однако подвергается сомнению тождество корейского этнонима мальгаль с мохэ, под этим именем в корейских источниках, возможно, выступают племена мукри. Племена с названия мукри, мекрит существовали в одну эпоху с монголами, что свидетельствует о том, что мохэ и монголы – различные племена.

Значит, можно поставить вопрос о связи этногенеза тунгусов с дальневосточными мохэ, которых считали тунгусоязычными, но в последнее время стали относить к палеоазиатам. К тому же они считаются предками маньчжуров, разделение единого тунгусо-маньчжурского этноса некоторые исследователи относят к X–XII вв., когда чжурчжэни стали проникать в таежные районы под давлением армии киданей (Туголуков, 1985). Однако маньчжурские и тунгусские языки настолько далеко отстоят друг от друга, что возможное их родство

или тесное соседство относится к временам неолита.

На основе изучения большой краниологической серии Троицкого могильника антропологи пришли к мнению о том, что мохэские племена Амура не являются предками того или иного современного тунгусоязычного народа. По их данным, мохэские племена участвовали в формировании нанайцев, ульчей и удэгейцев, но не принимали участия в процессе этногенеза эвенков и эвенов (Алексеев, 1989).

А.П. Окладников правильно утверждал, что если бы исходной основой для формирования всей массы тунгусо-маньчжурской группы племен, широко рассеянной по Сибири, послужили маньчжуры, то в основе тунгусской культуры должны были находиться элементы начальной земледельческой цивилизации и древнего свиноводства (Окладников, 2003).

В связи с саянской теорией прародины эвенков этноним тунло (тонгра) следует связывать с тунгусами. Среди башкиров есть племя тангаур. Значит, впервые этноним тунгус появляется среди племен теле. Тувинский этноним *донгак* сравнивался с названием керейтского племени донгхаит (тункаит), который возводится к названию племени *тунго* или *дунго* (видимо, *тунло* – У.В.). Напомним, что этноним *тунгус* возводится к самоназванию эвенков – *донки* (Татаринцев, 1986).

С.И. Вайнштейн считал, что территория расселения эвенков простиралась до Восточного Присаянья, и они периодически проникали в Саяны. Действительно, оленеводство, характерное для тувинских горнотаежных групп, могло появиться среди субстратных групп, позднее тюркизированных (Вайнштейн, 1972). Существует мнение о локализации прародины тунгусов на территории, в которую входят Саяно-Алтай, Западная Монголия и юг Байкала (Ермолова, 1996).

Тувинские роды маады (маты) и маторы вполне могут иметь эвенкийское происхождение. Так имеется эвенкийское слово маты: «незнакомец, гость, сосед». В.П. Дьяконова писала, что *маады* были охотниками и собирателями, подобно эвенкам, которые были охотниками (Дьяконова,

2000). Г.Ю. Клапрот в свое время высказывал мнение о том, что *койбалы* (позднее – часть хакасов) происходят от эвенков (тунгусов). Койбалы же считались ранее отдельным родом самодийскоязычных маторов. Поэтому Б.И. Татаринцев считает, что предками родоплеменной группы под названием маады вполне могли быть тюркизированные тунгусы (Татаринцев, 2007).

Еще советские этнографы Г.М. Василевич и В.А. Туголуков обратили внимание на большое количество совпадений в названиях тунгусских родов с названиями средневековых монгольских племен. Например, этноним сартаул (сортол) и хатагин (хатыгыны) в составе конных эвенков и северных групп саха сравнивается с названиями монгольских племен сартаул и хатагин.

У тунгусов Якутии имелись рода хатыгын, иологир, угулят. Их названия В.А. Туголуков связывает с именами известных племен Центральной Азии: хатагин, джалаир и угулят. Так проникновение иологиров в Сибирь он связывает с бегством джалаирского хана Чжебке от Чингизхана «в страну Баргузинскую» (Туголуков, 1985). Среди виллойских и оленекских саха зафиксирован этноним *угулээт*, когда-то являвшийся названием одного крупного отдела ойратов.

Однако среди представителей этих тунгусских родов не сохранилось фольклорных свидетельств об их монгольском происхождении, и их культура не имела ничего общего с культурой монгольских народов. Эти обстоятельства дают нам повод пересмотреть точку зрения о позднем вхождении групп монгольского происхождения в состав эвенкийского этноса.

Если попытаться разобраться, то сходство между монгольскими и тунгусскими этнонимами чисто внешнее. Так название эвенкийского рода Увалакагир (якутское *угулээт*) возводится от слова «несущий поклажу», название ойратского племени – угулят от слова огулеху – «кричать, орать на кого-то» (в якутском будет уогулуур). Имя тунгусского рода *кояты* Г.М. Василевич отождествила с названием монгольского племени *кият*, чье название через окружающие хребты попало к юкагирам. Их вероятными потомками являются эвены рода

Кеймети, от слова «смотрящий», «глядящий» (Кейметинов, 1996). Однако все это чисто народные этимологии, основанные на поздних языковых материалах.

Тунгусов можно увидеть в племени «*да шивей*», имевших «непонятный язык» и обитавших в труднодоступной местности. Иероглиф «да» обозначает большой и совпадает с названием племени дахань – большой народ, который Н.В. Кюннер также помещал в территории Южной Якутии. Отнесение их к шивейской группе племен, обычно считающейся монголоязычной, исследователи объясняют тем, что они ранее могли быть зависимыми от древних сяньби. По китайским источникам к VIII в. относится экспансия больших *шивей* в район Амура и вытеснение ими оттуда остальных племен шивей, считающихся монголоязычными. Видимо, тогда началось распространение эвенков из территории Южной Якутии в Приамурье, Забайкалье и в Маньчжурии.

Формирование тунгусов можно связать с группой племен, обозначаемых в китайских источниках под именем «*шивей*», занимавших обширные регионы. Этноним шивей переводится как Сибирь~Шибир. В целом данный этноним связывается с названием обширной таежной области, ставшей известной под именем Сибирь. В Маньчжурии существует народность сибо, в Западной Сибири имеются предания о древнем народе Сыбыр, предположительно они являются предками хантов и манси. Шивеи в целом считаются предками монголов и других монголоязычных народов. Однако они частью обитали в Приамурье и Восточном Забайкалье; в пограничной, контактной зоне между монголо- и тунгусо-маньчжурскими народами. Поэтому археологи испытывают большие затруднения в идентификации мохэской и шивейской культуры. Ухуани или же увани, ассимилируя северные шивейские племена, сами подверглись отунгушению со стороны больших шивеев. Так среди тунгусских групп появились общие этнонимы с монголоязычными народами.

Статья поступила 22.04.2016 г.

Article received 22.04.2016 г.

Библиографический список

- Алексеев М.П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941. 232 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М.: Наука, 1989. 446 с.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1953. Т. III. 332 с.
- Василевич Г.М. Уранкай и эвенки // Доклады по этнографии. Л., 1966. Вып. 3. С. 60–70.
- Василевич Г.М. Материалы языка к проблеме этногенеза тунгусов: автореф. монографии... канд. ист. наук, 1946.
- Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972. 314 с.
- Гумилев Л.Н. Три исчезнувших народа // Страны и народы Востока. М., 1961. Вып. II. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Тов-во «Клышников и Комаров и К», 1993. 520 с.
- Георги И.Г. Описание народов российской империи. СПб., 2005. 816 с.
- Дьяконова В.П. Тувинский этнический компонент маады // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000. С. 104–105.
- Ермолова Н.В. Возвращаясь к тунгусской проблеме: поиск исторических истоков эвенков – и новые предположения // Сибирь. Древние этносы и культуры. СПб., 1996. С. 123–128.
- Карпини П. Дель. История монголов. Г. де Рубрук. Путешествие в восточные страны. 4-е изд. М.: Мысль, 1997. 460 с.
- Ксенофонов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992 (1937). Т. I. Кн. I. 416 с.
- Кейметинов В.А. Аборигенная (эвенская) топонимика Якутии. Якутск, 1996. Ч. 1. 86 с.
- Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 1961. 281 с.
- Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. 359 с.
- Маркварт И. О происхождении народа куманов // Сайт «Великая степь» [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml> (Дата обращения 22.06.08).
- Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. С. 393–413.
- Паркер Э.Х. Тысяча лет из истории татар. Казань: Идель-пресс, 2003. 288 с.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1–2. 221 с.
- Сайшиял. Сказание о Чингисхане / пер. со старомонгольского Норпола Очирова. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. 576 с.
- Татаринцев Б.И. Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения). Исследования по тувинской филологии. Кызыл, 1986. С. 64–86.
- Татаринцев Б.И. Тунгусский след в этнонимии Южной Сибири // Учебные записки ТИГИ. Кызыл, 2007. Вып. XXI. С. 177–189.
- Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–177.
- Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
- Хелимский Е. Тунгусо-маньчжурский языковой компонент в Аварском каганате и славянская этимология // Материалы к докладу на XIII Международном съезде славистов, Любляна, 15–21 августа 2003. Hamburg, 2003. С. 1–13.
- Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968. 128 с.
- Шурц Г. История человечества: Средняя Азия и Сибирь. СПб.: Полигон, 2004. 204 с.
- Shirokogoroff S.M. Social organisation of the northern tungus Shanghai, 1929.

References

- Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadno-evropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei* [Siberia in reports of West-Europeans travelers and writers]. Irkutsk, 1941. 232 p.
- Alekseev V.P. *Istoricheskaya antropologiya i etnogenez* [Historic anthropology and ethnogenesis]. Moscow, Nauka Publ. 1989. 446 p.
- Bichurin N.Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of data of the peoples lived in the Middle Asia in ancient times]. Moscow-Leningrad, 1953. Vol. III. 332 p.
- D'yakonova V.P. *Tuvinskii etnicheskii komponent maady* [Tuva's ethnic component of Maadu]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa* [Cultural heritage of peoples of the Siberia and North]. St. Petersburg, 2000. Pp. 104–105.
- Ermolova N.V. *Vozvrashchayas' k tungusskoi probleme: poisk istoricheskikh istokov evenkov – i novye predpolozheniya* [Back to the Tungus problem: search of historical sources of Evenks and new hypotheses]. *Sibir'. Drevnie etnosy i kul'tury* [Siberia. Ancient ethnoses and cultures]. St. Petersburg, 1996. Pp. 123–128.
- Georgi I.G. *Opisanie narodov rossiiskoi imperii* [Description of peoples of the Russian Empire]. St. Petersburg, 2005. 816 p.
- Gumilev L.N. *Drevnie tyurki* [Ancient Turkeys]. Moscow, Klyshnikov i Komarov i K° Publ. 1993. 520 p.
- Gumilev L.N. *Tri ischeznuvshikh naroda* [Three historical ethnoses]. *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East]. Moscow, 1961. Ussue II. Pp. 103–113.
- Karpini Plano Dzh. Del'. *Istoriya mongolov* [History of Mongols]. *G. de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany* [Journey to the Eastern Countries]. Moscow, Mysl' Publ. 1997. 460 p.
- Keimetinov V.A. *Aborigennaya (even-skaya) toponimika Yakutii* [Aboriginal (Evenk's) toponymy of Yakutia]. Yakutsk, 1996. Part 1. 86 p.
- Khelimskii E. *Tunguso-man'chzhurskii yazykovoii komponent v Avarskom kaganate i slavyanskaya etimologiya* [Tungus-Manchurian linguistic component in Avar Khanate and Slavic etymology]. *Materialy k dokladu na XIII Mezhdunarodnom s'ezde slavistov, Lyublyana, 15–21 avgusta 2003* [Proceedings of the XIII International Congress of slavists, Lyublyana, August, 15–21, 2003]. Hambyrg, 2003. Pp. 1–13.
- Ksenofontov G.V. *Uraankhai-sakhalar. Ocherki po drevnei istorii yakutov* [Uryankhai-Sakhalar. Sketches of the ancient history of Yakuts]. Yakutsk, 1992 (1937). Vol. I. Book I. 416 p.
- Kyuner N.V. *Kitaiskie izvestiya o narodakh Yuzhnoi Sibiri, Tsentral'noi Azii i Dal'nego Vostoka* [Chine's reports about peoples of the Southern Siberia, Central Asia and Far East]. Moscow, Vost. lit. Publ. 1961. 281 p.
- Levin M.G. *Etnicheskaya antropologiya i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka* [Ethnic anthropology and the problem of ethnogenesis of peoples of the Far East]. Moscow, 1958. 359 p.
- Markvart I. *O proiskhozhdenii naroda kumanov* [About the origin of the Kuman people]. Available at: <http://steppe.hobi.ru/books/markvart1-00.shtml> (June 22, 2008).
- Okladnikov A.P. *Tunguso-man'chzhurskaya problema i arkheologiya* [Tungus-Manchurian problem and the archaeology]. *Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii* [Archaeology of the Northern, Central and Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ. 2003. Pp. 393–413.
- Parker E. Kh. *Tysyacha let iz istorii tatar* [Thousand years of the history of Tatar]. Kazan', Idel'-press Publ. 2003. 288 p.
- Rashid-ad-din. *Sbornik letopisei* [Collection of histories]. Moscow-Leningrad, 1952. Vol. I. Book 1–2. 221 p.
- Saishiyal. *Skazanie o Chingiskhane. Per. so staromongol'skogo Norpola Ochirova* [Legend of Genghis Khan. Translated from Old Mongolian by Norpol Ochirov]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ. 2006. 576 p.
- Shavkunov E.V. *Gosudarstvo Bokhai i pamyatniki ego kul'tury v Primor'e* [State Bokhai and sites of its culture in Primor'e]. Leningrad, Nauka Publ. 1968. 128 p.

Shirokogoroff S.M. Social organization of the Northern Tungus Shanghai, 1929.

Shurts G. *Istoriya chelovechestva: Srednyaya Aziya i Sibir'* [History of mankind: Middle Asia and Siberia]. St. Petersburg, Polygon Publ. 2004. 204 p.

Tatarintsev B.I. *Problemy izucheniya tuvinskoj etnonimii (na primere nekotorykh predpolagaemykh etnonimov mongol'skogo proiskhozhdeniya). Issledovaniya po tuvinskoj filologii*. [Problems of research of the Tuva's toponymy (upon the case of some supposed Mongolian ethnonyms). Researches of Tuva's philology]. Kyzyl, 1986. Pp. 64–86.

Tatarintsev B.I. *Tungusskii sled v etnonimii Yuzhnoi Sibiri* [Tunguss track in ethnonymy of the Southern Siberia]. *Uchebnye zapiski TIGI* [Learning notes TIGI]. Kyzyl, 2007. Ussue XXI. Pp. 177–189.

Tugolukov V.A. *Etnicheskie korni tungusov* [Ethnic routes of Tungus]. *Etnogenez narodov Severa* [Ethnogenesis of the peoples of North]. Moscow, Nauka Publ. 1980. Pp. 152–177.

Tugolukov V.A. *Tungusy (evenki i eveny) Srednei i Zapadnoi Sibiri* [Tunguses (Evenks and Evens) of the Middle and Western Siberia]. Moscow, Nauka Publ. 1985. 285 p.

Vainshtein S.I. *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev* [Historical ethnography of Tuvinians]. Moscow, 1972. 314 p.

Vasilevich G.M. *Materialy yazyka k probleme etnogeneza tungusov* [Data of the language to the problem of the origin of Tungus]. Leningrad, 1946.

Vasilevich G.M. *Urankai i Evenki* [Uryankhai and Evenks]. *Doklady po etnografii* [Reports on ethnography]. Leningrad, 1966. Ussue 3. Pp. 60–70.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН (Якутск), 677000, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1, e-mail: voma@mail.ru

Ushnitskij Vasilij Vasil'evich, PhD, researcher, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, 1, Petrovskogo str., Yakutsk, 677000, Russia, e-mail: voma@mail.ru